

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 37, Is. 3, pp. 633-640, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94 (47) 082 – 083.

The Secularization of Russian Orthodoxy in the Late Russian Empire, 1860–1910: the Indoctrination and De-Institutionalization (Problem Statement)

Andrey Yu. Mikhailov

Kazan (Volga Region) Federal University, Russian Federation
18, Kremlevskaya st., Kazan city, Republic of Tatarstan, 420008
PhD (History), Associate Professor
E-mail: apunion@mail.ru

Abstract

This article is based on the methodology of intellectual history examines the process of secularization of Orthodoxy in the late Russian Empire 1860 – 1910-ies. The focus of the formulation of a scientific problem: consideration of secularization as indoctrination Orthodoxy and de-institutionalization of the Synod Church. Under the first attempt to synthesize the doctrine Orthodoxy with modernist ideologies (socialism, nationalism, secularism (laicism), under the second – the erosion of the church as an institution by dividing into various inner-group.

As a consequence of early modern rationalization to 1830–1840 there are three ways of indoctrination orthodoxy as synthesis with modern ideology. Firstly, synthesis with a modernist nationalism in its evolution from the "civilian" to the "political". The concept of late imperial political nationalism (N.P. Ignatiev, A.A. Kireev), tied to version of neoslavyanofily (new slavyanofily) (N.P. Aksakov, D.A. Khomyakov) and civilizational theory (L. Leontiev, N.I. Danilevsky) tried synthesize Orthodoxy and nationalism in the spirit of religious interpretation of the nation and society. Secondly, with social theories of modern European socialism and positivism. (archimandrite Fedor (Bukharev), S.N. Bulgakov, archimandrite Michael (Semenov), and others.). Thirdly, with a modernist secularism (laicism and liberalism: P.V. Valuev, D.A. Tolstoy, K.P. Pobedonostsev).

De-institutionalization of the Synodal Church took place in the following ways. In the period of early modernity (1700–1840), konfessionaliztion (die Konfessionalisierung), happened embedding religious institution in the state organism (nationalization) on the practical and theoretical level. The evolution from the early modernity to late modernity (1830–1860) itself has raise the question of the "internal" secularization as activation of layman or parishioner.

Theory A.S. Khomyakov (new criteria and the nature of the Church as a divine-human organism) and investigation of teachers of Ecclesiastical Academy (A.S. Pavlov) required for the majority of the church - laity, a new, higher status On the other hand, the absence of many centuries hierarchy (bishops, priests) in certain parts of the country has created a "popular deinstitutionalization" – bezpopovtsy (without priests).

During the late Empire, 1860 - 1910 the desire of the church renovation and restoration of "canonical order" led to the emergence of new forms of deinstitutionalization: formation of numerous church brotherhood, unions and others movement in Russian Orthodoxy. By the 1917 revolution in the empire, in the official church existed a sufficient number of different trends, which is allocated, then again merges with the main mainstream. "Social Christians", "free Christian", "Golgotha Christian", representatives of "Christian brotherhood of fight" (B. Svetsitsky, V. Ern) had their own ideology (ekleziologiyu), religious practices and organizational structure.

Keywords: intellectual history; Russian Orthodoxy; late Russian Empire; secularization; indoctrination; politicization; de-institutionalization; modernist ideology; Christian socialism; "social (communal)/free / Golgotha " Christians.

Введение

Современные процессы десекуляризации/секуляризации – усиление роли религии в мировой политике и повседневности по сравнению с 1970–1990 гг. – актуализирует востребование и изучение опыта предшествующих эпох, в которые политика секуляризации выходила на качественно новый уровень и вызывала ответы синтеза или отторжения со стороны религиозного сознания, институтов и др. Создание «политического» христианства, его синтез с новыми модерными идеологиями – социализмом, лаицизмом, национализмом – все это имело место быть в долгом XIX веке и коротком XX. Поздняя Российская империя (1860–1917 гг.) дает нам обширный, калейдоскопичный материал по данной проблематике. Интеллектуальный опыт православия – «господствующего исповедания» империи, позволяющий судить о его попытках преодолеть кризис секуляризации, обновить себя, – представляет интересным и социально востребованным.

Материалы и методы

Основные понятия. Процесс секуляризации российского общества в период поздней империи был многоаспектным. Он затрагивал мировоззренческий (идеологический), повседневный (ментальный) и институциональный (иерархический, структурный) уровни. Одной из важнейших его составляющих явились попытки идеологизации и деинституциализации российского православия как мировоззрения большей части населения и государственной установленной религии.

Под идеологизацией в данной работе понимается процесс обновления православия, условно социальной части его учения, с модерными идеологиями (социализм, национализм, секуляризм (лаицизм), которые по характеру являлись т.н. “-измами” - идеологиями-программами, переводящими проект в практику. Авторский термин “идеологизация” соотносится с рядом понятий, имеющих иное определение, но описывающих сходный процесс. Так, он, во-первых, соотносится с концептом «политизации» религии как «использование политических методов для достижения религиозных целей» [1], только в данном случае не применимо к современности, а в исторической ретроспекции. Во-вторых, термин «идеологизация» тождественен понятию «дехристианизация», как его понимает ряд европейских ученых (Тартуский университет: И. Пярт, Р. Алтунмэ) [2]. Здесь он понимается как утрата христианских ценностей и значений внутри секуляризованного христианского общества (на примере Эстонии, России). Следовательно, идеологизация – это попытка с помощью популярных в пореформенное время идеологий (социализм, национализм, секуляризм, лаицизм, либерализм), модерных по своей сути, заполнить тот идеологический вакуум, который образовался в православном христианстве, после его синтеза с деизмом в эпоху Просвещения.

Под деинституциализацией понимается процесс внутренних изменений в церкви как социально-политическом институте путем выделения отдельных внутриконфессиональных групп и усиление мирянского элемента, которые в разной степени отрицали власть иерархии и церковь как структуру.

Деинституциализация соотносится с понятием “внутренней” секуляризации, когда в иерархической, клерикальной структуре института церкви начинается утверждение мирянского элемента и ставится вопрос о новых границах и критериях церкви [3].

Естественно, эти два процесса взаимосвязаны. Часто именно «идеологизация», попытки обновления православия очередной новой идеологией порождало новые внутриконфессиональные группы, которые вели к «деинституциализации» церкви. Например, синтез православия с социализмом и эсхатологией привел к появлению внутрицерковной группы социальных и голгофских христиан (архимандрит Михаил (Семенов), И. Брихничев, Б. Свенцицкий).

Выработка методологии, адекватной для данного исследования базируется на работах К. Гирца [4] по идеологии, Х. Казанова по теории секуляризации [5], А.В. Митрофановой по политизации религии [6], И. Пярт по дехристианизации [7] и др.

В плане основного подхода данного исследования – методология интеллектуальной истории – представляет собой баланс «истории идей» А. Лавджоя [8] и «археологии знания» М. Фуко [9].

Основными источниками являются записки и предложения интеллектуалов российского православия XIX в. [10] и работы архимандрита Михаила (Семенова), посвященные вопросам христианского социализма [11].

Обсуждения

Постановка темы подразумевает неразработанность данного вопроса в историографии. Относительно опыта «христианского социализма», то есть попыток синтеза православия с европейским социализмом XIX в. и личности архимандрита Михаила (Семенова) можно назвать ряд исследователей, таких как А. Эткинд [12, С. 239–254], Ю. Шерер [13], С. Диксон [14]. Первый в своей работе «Хлыст» описывает опыт «голгофских христиан» и роль в нем архимандрита Михаила (Семенова), вторая в своей статье «В поисках христианского социализма» поставила вопрос о масштабах этих интеллектуальных поисков, третий – написал наиболее информативную биографическую статью об архимандрите Михаиле (Семенова). На современном этапе в России этой проблемой занимаются И. Воронцова [15] и Д. Головушкин [16]. Религиозный плюрализм начала

XX в. очень рельефно представлен в книге А. Понкратова [17]. В плане изучения синтеза православия с национализмом в разных аспектах незаменимым оказался журнал «Ab imperio» [18].

Результаты

Прежде всего «идеологизацию» Российского православия можно рассматривать как его «политизацию». Рассмотрим проблематизацию вопроса интеллектуального обновления православия в поздней Российской империи. В современной гуманитарной науке, признавшей (де)секуляризация как одну из реальностей времени, вопрос о политизации религии как его составляющей становится одним из ключевых. Политизация религии как «использование политических методов для достижения религиозных целей» [1] рассматривается в современной политологии, религиоведении и социологии для описания современных процессов синтеза религии и современной политики, феноменов «политического христианства» или «политического ислама».

В данной статье, оперирующей материалом поздней Российской империи, 1860–1910-е гг., под политизацией религии понимается надделение учения (идеологии) российского православия теми чертами, которые становились присуще Российской империи как модернизирующемуся обществу с появлением феномена массовой политики и народного представительства. Этот процесс соотносился с другими следствиями модернизации – секуляризацией, национализацией, рационализацией. В данном случае внимание сфокусировано на теоретическом (интеллектуальном) аспекте политизации православия, его идеологизации, то есть синтезе российского православия с современными идеологиями.

Исходя из того православие в России в период собственно модерности (1860–1917 гг.) существовало в быстро модернизирующейся и секуляризирующейся действительности, оно должно было отвечать на вызовы времени, одним из вариантов которого было обновление своего социального учения. Попытки рационализировать российское православие, начиная с Петра Великого и Екатерины II, ко второй половине XIX в. привели к тому, что в условиях растущей секуляризации – социальной, идеологическая составляющая учения (не догматическая, то есть набор тех положений православного, которые условно можно назвать социальным учением,) церкви утратила способность прочитываться в мифологическом ключе. Необходимо было его обновление, которое часть церковной интеллектуальной элиты видело в синтезе православного учения с отрефлексированными современными идеологиями (социализм, национализм, секуляризм (лаицизм) и др.). Главная особенность современных “-измов” в их программности, проектности, прогнозировании (то есть подгонки действительности под сделанный прогноз).

Идеология как секулярное смыслоположение, как стройная система принципов и ценностей вместо всеобъясняющего мифа – есть порождение модерности и некий заместитель религии в интеллектуальном аспекте. Выделившись в период Просвещения в отдельную сферу, теперь она захватывала и сужающуюся область религии, пытаясь рационализировать православное учение и заставить его формулировать по своим принципам [19]. При формальном существовании государственно-церковной идеалистической идеологии, интеллектуальная сфера российского православия находилась в кризисе, который был следствием полутровековой ранемодерной рационализации религии.

В XVIII в. попытки рационализировать православное учение (то есть идеологизировать, создать православную идеологию) были связаны с осуществлением социальной утопии – создания регулярного государства на деистических принципах при Петре I и Екатерине Великой. Конфессионализация православия, шедшая весь XVIII в., делала необходимым обозначение православием своего отношения как к иным христианским конфессиям (протестанты, раскол, секты), так и раннемодерным светским идеологиям (деизм, Просвещение и др.). Своего апогея процесс синтеза православия с просветительскими проектами достиг в эпоху российского высокого классицизма (неоклассицизма) эпохи Александра Благословенного, когда он выразился во внеконфессиональной общехристианской современной идеологии библейского просвещения [20].

В эпоху романтизма, которые были реакцией на Просвещение и его отрицанием, соотносимая в общественно-политической сфере с царствованием Николая I, налицо попытки интеллектуально включить православие в идеологию гражданского национализма и технократизма. Хотя официальная доктрина – триада С.С. Уварова – показала, что технократическая, секулярная идеология Министерства Народного Просвещения не особо нуждалась в услугах Синода, то есть в версиях церковной интеллектуальной элиты.

Эпоха гласности и великих реформ – это появление масштабных программ, прогнозов развития российской церкви, начиная с записки чиновников П.В. Валуева, А.Н. Муравьева, российских архиереев (епископ Агафангел (Соловьев), епископ Никодим (Казанцев) [10] и др. Далее эти проекты, написанные с точки зрения рационалистической современной идеологии стали увеличиваться и дифференцироваться.

Секулярный бюрократический дискурс (П.В. Валуев, Д.А. Толстой, К.П. Победоносцев), оформившийся с появлением «просвещенной бюрократии», предполагал развитие Православия по протестантскому сценарию и переход Петровской административной реформации когда-нибудь в реформу догматическую. Неславянофильский дискурс (Н.П. Аксаков, Д.А. Хомяков А.А. Киреев и

др.) предполагал внутреннюю секуляризацию, то есть усиление мирянского элемента в церкви, теоретизирую новые критерии и границы церкви. Дискурс «политического национализма» (С.С. Уваров, Н.П. Игнатъев) ратовал за дальнейшее сращивание с национальной культурой и отделением от вселенского православия. Одним из радикальных предложений обновления церковного учения было его синтезирование с «левым» блоком идеологий Европы – социализмом, коммунизмом. Здесь российское интеллектуальное пространство дало нам несколько версий этого синтеза – «христианскую социологию» С.Н. Булгакова и «христианский социализм» архимандрита Михаила (Семенова). Fine de circle России характеризуется массовым разрастанием идеи обновления Православия и появлением множества версий [11, 15, 16].

Итак, можно выделить следующее проблемное поле взаимодействия православия и идеологии в России в XIX в. Как следствие ранемодерной рационализации к 1830–1840-м гг. можно выделить три основных направления идеологизации православия посредством синтеза со следующими современными идеологиями:

I) с модерным национализмом в его эволюции от «гражданского» к «политическому». С возвратом к церковному мировоззрению (Н.В. Гоголь, славянофилы) в 1830-х гг. в рамках «гражданского национализма» начинаются славянофильские рассуждения о критериях и границах церкви, соотношения их с обществом и нацией. Эклизиологические критерии могли стать одним из критериев обновленной национальной идентичности. Триада С.С. Уварова «православие-самодержавие-народность» свидетельствует о секуляристском выборе верховной власти в использовании этих критериев [21]. Концепции пореформенного политического национализма (Н.П. Игнатъев, А.А. Киреев), завязанные на неславянофильские (Н.П. Аксаков, Д.А. Хомяков) и цивилизационные теории (К. Леонтьев, Н.И. Данилевский), пытались синтезировать православие и национализм в духе конфессиональной интерпретации нации и общества [21, 22, 23].

II) с социальными теориями модерной Европы, с социализмом и позитивизмом. Идеи социальной справедливости, социальных утопий, реализуемых посредством проектов социальной инженерии, технократизма и революций, реакция на новые секулярные тенденции (эмансипации, нигилизма и др.) привели к изменению мышления часть религиозной интеллектуальной элиты (архимандрит Федор Бухарев, С.Н. Булгаков, архимандрит Михаил (Семенов) и др.) [11].

III) с модерным секуляризмом (лаицизмом и либерализмом). Просвещенная бюрократия эпохи великих реформ пыталась вписать православие в лаицистские схемы, замешенные на биологизаторских теориях ранних позитивистов и социальной инженерии (государство как организм, в котором борьба за новую секулярную культуру рассматривалась как борьба с больными частями тела). Перенесение идеи немецкого культуркампа как внутривнутриполитической борьбы за секулярную культуру привело к реакции «светского секуляризма» (К.П. Победоносцев).

Секуляризацию так же можно рассматривать как деинституциализацию русской церкви в синодальный период. Нужно «проблематизировать» это вопрос. Современные теории «секуляризации - десекуляризации» утверждают, что европейцы в Новое Время шли по пути деинституциализации своих религий. Ситуация середины XX в. характеризуется уже как «верить, не принадлежать» [5]. Начало этой тенденции было положено Реформацией/Просвещением с дельнейшей плюрализацией и фрагментацией европейского религиозного поля.

В России подобные тенденции обнаружили в синодальный период (1700–1917), начиная с петровской реформы церкви (1720–1721). Именно тогда создание официальной, государственной церкви, нарушение таинства исповеди (1722), двойной подушный оклад для религиозных диссидентов (раскольников, 1723) сделал ситуацию (тайного) «не принадлежания» к конфессии актуальной. Само «огосударствление» церкви, вмонтирование его в государственную машину по протестантскому сценарию было е; деинституциализацией.

Гипотетически можно говорить о разных формах «деинституциализации», которые естественно соответствуют разным этапам в развитии синодальной «греко-восточной католической церкви» (как юридически правильно называлась православная церковь в России имперского периода):

1. В период ранней модерности (1700–1840), конфессионализации, происходило встраивание религии (религиозного института, в Новое Время они продолжали существовать именно в таком формате) в государственный организм на практическом и теоретическом уровне. Создание протестантских регламентов (и Духовного регламента (1720) как одного из них) – как варианта протестантской экклесиологии, в которой церковь не описывает саму себя, а отдает эти компетенции государству ее – есть одно из характерных проявлений этого.

2. В период перехода (1830–1860) от ранней модерности к поздней или собственно модерности актуальным стал вопрос о «внутренней» секуляризации, то есть активизации мирянского элемента. Исходя из протестантских (не иерархических, не епископских по сути) установок, в российском православии периодически поднимался вопрос о правах мирян в церкви и вообще о природе церкви, которая есть богочеловеческий организм и каждый человек – есть священник (*"Вы народ избранный, царское священство"* (1 Пет 2: 9).) - говорит апостол Петр). Теория А.С. Хомякова (новые критерии и природа церкви как богочеловеческого организма) [24] и изыскания преподавателей духовной академии (А.С. Павлов) [3] требовали для большего числа членов церкви – мирян, нового, более полноправного статуса.

3. С другой стороны определенная часть населения Российской империи принадлежала к раскольникам, среди которых были беспоповцы с направленностью на дальнейшее дробление и превращение в секты (хлысты, беспоповцы и др.). Отсутствие веками священства, иерархии в определенных частях страны породило «народную деинституциализацию» - беспоповство. При этом, по исследованиям американского историка В. Шевцов значительная часть российских крестьян православного исповедания в начале XX в. готовы были довольствоваться часовней – как неполноценным храмом, не требующим присутствия иерархии [25, С.96–168].

4. В период поздней империи, 1860–1910-е гг., то есть собственно модерности, как и другие переходные эпохи, с ее ускоряющейся модернизацией, секуляризацией и дифференциацией актуализировалась новая форма деинституциализации. Желание церковного «обновления», активного «церковно-общественного реформаторства» и восстановление «канонического порядка» привели к образованию многочисленных братств, союзов и др. течений в российском православии. Объединившись, реформаторы конструировали идеальное, «истинное» христианство (первых веков, общинное по духу), выступали за реформирование существующего института православной церкви, пытались свои программы-идеологии реализовывать на практике. К революции 1917 г. в империи, в официальной церкви существовало достаточное количество различных течений, которые то выделялись, то снова сливались с основным менстримом. «Социальные христиане», «свободные христиане», «гогофские христиане», представители «Христианское братство борьбы» (Б. Свенцицкий, В. Эрн) – имели свою идеологию (эклесиологию), религиозные практики, организационную структуру. Подобная фрагментация, плюрализм в рамках официальной синодальной церкви, местами сводил реальность института церкви на нет, свидетельствуя об определенном уровне деинституциализации российского православия.

Заключение

В заключении логично было бы поставить вопрос о характере, масштабе и предельности процессов идеологизация и деинституциализация в российском Православии 1860–1910-х гг. Естественно, что через них описывается лишь часть церковного сознания, скорее, маргинальная его часть.

Идеологизация была представлена на уровне единичных, местами групповых концепций (С.Н. Булгаков, архимандрит Михаил (*Семенов*), деинституциализация оставалась на уровне появления/исчезновения определенных групп внутри официальной церкви («социальные христиане», «свободные христиане», «гогофские христиане»), отличавшиеся от нее своим мировоззрением, обрядностью, организацией.

Начавшись в 1860 – 1870-е гг. с нигилистического подъема в том числе в духовном образовании, эти процессы усилились в 1900-е гг. в связи с активным церковно-общественным реформаторством. Главным сдерживающим фактором естественно являлась официальная синодальная церковь как государственная бюрократическая организация, которая идеологическими и силовыми методами (аресты строптивых монахов) останавливала эту деятельность.

Новый расцвет этих тенденций пришелся на ранесовестский период 1930-х гг., когда на основе предыдущих синтеза православия и современных идеологий («социального христианства», «христианского социализма») и в условиях институционального кризиса и слома церкви создавались многочисленные группы и течения («Свободная трудовая церковь», «Новая народная церковь» епископа Владимира (Путяты) с маргинальной дехристианизированной идеологией.

Примечания:

1. Митрофанова А. В. Политизация православного мира. М.: Наука, 2004. 293 с.
2. См: коллективный проект Secularization (de-institutionalization and de-Christianization): Religion in Estonia from the Modern Period to the Present / <https://www.ut.ee/CECT/members/religion.html> (дата обращения: 5.11.2014)
3. Павлов А. С. Об участии мирян в делах церкви, с точки зрения православного канонического права. Казань, 1866.
4. Гирц К. Интерпретация культур. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 560 с.
5. Casanova J. Public religions in the modern world. University of Chicago prerss, 1994. 330 p
6. Mitrofanova A. V. The Politicization of Russian Orthodoxy: Actors and Ideas (Soviet and Post-Soviet Politics and Society) (Volume 13). ibidem-Verlag, 2005. 248 p
7. Paert I. Spiritual Elders: Charisma and Tradition in Russian Orthodoxy "Northern Illinois University Press, 2010. 308 p.; Paert I. Old Believers: Religious Dissent and Gender in Russia, 1760-1850 Manchester University Press, 2003. 257 p.
8. Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с.
9. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.

10. Муравьев А. Н. О состоянии православной церкви в России. М., 1856; Агафангел (Соловьев), архиепископ. Пленение русской церкви. СПб., 1876; Никодим (Казанцев), епископ. О Святейшем Синоде. М., 1873
11. Михаил (Семенов), архимандрит. Христос в век машин (Вопросы религии и общественной жизни) / СПб. : Тип. Монтвида, 1907. 484 с.; Христиане ли мы? Санкт-Петербург : тип. Монтвида, 1906
12. Эткинд А. Хлыст (Секты, литература и революция). М.: НЛО, 1998. 688 с.
13. Шеррер Ю. В поисках «христианского социализма» в России // Вопросы философии. 2000. № 12. С. 88–134.
14. Dixon Simon, Archimandrite Mikhail (Semenov) and Russian Christian Socialism. Historical Journal. 51. № 3 (2008), p. 689 – 718.
15. Воронцова И.В. Старообрядческий епископ Михаил (Семенов) в контексте истории религиозного реформизма в России (1905–1915 гг.) // вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. II. История русской Православной Церкви. 2012. Вып. 3 (46). С.40–55.
16. Головушкин Д.А. Апостол XX века. Жизнь и творчество о. Михаила (Семенова). СПб.: «Политехника-сервис», 2010. 126 с.
17. Панкратов А.С. Ищущие Бога. [Очерки современных религиозных исканий и настроений]. Кн. 1. – М. : Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1911. 196 с.
18. Ab imperio. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве, 2000–2014.
19. Цапина О.А. Православное просвещение – оксюморон или историческая реальность // Европейское Просвещение и цивилизация России / отв. ред. С.Я. Карп, С.А. Мезин. М., 2004. С. 301 – 313.
20. Вишленкова Е.А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 2002. 444 с.
21. Янов А.Л. Россия против России. 1825–1921: Очерки истории русского национализма. Новосибирск: Сибирский Хронограф, 1999. 370 с.
22. Nadieszda Kizenko A Prodigal Saint: Father John of Kronstadt and the Russian People Penn State Press, 2000. 376 p.
23. Shevzov V. Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution Oxford University Press, 2004. xiv, 358 p.
24. Хомяков А.С. Опыт катехизического изложения учения о Церкви (Церковь одна) // Учение о церкви. М., 2010. 608 с.
25. Шевцова В. Ф. Православие в России накануне 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 488 с.

References:

1. Mitrofanova A.V. Politicization of the Orthodox world. Moscow: Nauka, 2004. 293 p. (In Russian)
2. See: collective project Secularization (de-institutionalization and de-Christianization): Religion in Estonia from the Modern Period to the Present / <https://www.ut.ee/CECT/members/religion.html> (date accessed: 5.11 .2014)
3. Pavlov A. The participation of the laity in the affairs of the church, from the point of view of Orthodox canon law. Kazan, 1866. (In Russian)
4. Geertz C. Interpretation of Cultures. Moscow: "Russian Political Encyclopedia" (ROSSPEN), 2004. 560 p. (In Russian)
5. Casanova J. Public religions in the modern world. University of Chicago prerss, 1994. 330 p.
6. Mitrofanova A.V. The Politicization of Russian Orthodoxy: Actors and Ideas (Soviet and Post-Soviet Politics and Society) (Volume 13). ibidem-Verlag, 2005. 248 p
7. Paert I. Spiritual Elders: Charisma and Tradition in Russian Orthodoxy "Northern Illinois University Press, 2010. 308 p .; Paert I. Old Believers: Religious Dissent and Gender in Russia, 1760-1850 Manchester University Press, 2003. 257 p .
8. A. Lovejoy Great Chain of Being: A History of ideas. Moscow: Home of intellectual books, 2001. 376 p. (In Russian)
9. M. Foucault, The Archaeology of Knowledge. Kiev: Nick Center, 1996. 208 p. (In Russian)
10. Murav`ov A.N. On the status of the Orthodox Church in Russia. Moscow, 1856; Agafangel (Soloviev), Archbishop. The capture of the Russian Church St. Petersburg, 1876; Nicodemus (Kazantsev), Bishop. About the Holy Synod. Moscow, 1873. (In Russian)
11. Mikhail (Semenov), archimandrite. Christ in the machine age (Questions of religion and public life) / St. Petersburg, 1907. 484 p .; Mikhail (Semenov) Christians are we? St. Petersburg, 1906. Mikhail (Semenov). Christianity and the Social-Democrats. St Petersburg , 1906. (In Russian)
12. Etkind A. Hlyst (Sects, Literature and Revolution). Moscow : New Literary Review, 1998. 688 p. (In Russian)
13. Scherrer J. In search of "Christian socialism" in Russia // Problems of Philosophy. 2000. № 12. S. 88 - 134. (In Russian)
14. Dixon Simon, Archimandrite Mikhail (Semenov) and Russian Christian Socialism. Historical Journal. 51. № 3 (2008), p. 689 - 718.

15. Vorontsov I.V. Old Believers Bishop Michael (Semenov) in the history of religious reformism context in Russia (1905 - 1915). // Vestnik Saint Tikhon's Orthodox University. II. History of the Russian Orthodox Church. 2012. Vol. 3 (46). P.40 - 55. (In Russian)
16. Golovushkin D.A. The Apostle of the XX century. Life and work about. Michael (Semenov). St. Petersburg: "Politehnica Service", 2010. 126 p.(In Russian)
17. Pankratov A.S. Seeking God. [Essays on modern religious quest and attitudes]. Vol. 1. – Moscow: Printing house of A.A. Levenson, 1911. 196 p. (In Russian)
18. Ab imperio: Investigationsof New Imperial History and Nationalism in the post-Soviet space, 2000–2014. (In Russian)
19. Tsapina O.A. Orthodox enlightenmen is an oxymoron or historical reality // European Enlightenment and civilization Russian / Editor by S.Y. Karp, S.A. Mezin. – Moscow, 2004, pp. 301 - 313. (In Russian)
20. Vishlenkova E.A. Caring for the souls of citizens: religious policy in Russia in the first quarter of the XIX century. Saratov: Saratov State university press, 2002. 444 pp. (In Russian)
21. Yanov A.L. Russia against Russia. 1825-1921: Studies in the History of Russian nationalism. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 1999. 370 p. (In Russian)
22. Kizenko N. A Prodigal Saint: Father John of Kronstadt and the Russian People. Penn State Press, 2000. 376 p.
23. Shevzov V. Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution. Oxford University Press, 2004. xiv, 358 p.
24. Homyakov A.S. Experience catechetical exposition of the doctrine of the Church (The Church is one) // The doctrine of the church. Moscow, 2010. 608 p. (In Russian)
25. Shevtsova V.F. Orthodoxy in Russia before 1917. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2010. 488 p. (In Russian)

УДК 94 (47) 082 – 083

Секуляризация российского Православия в поздней Российской империи, 1860–1910-е гг.: идеологизация и деинституциализация (постановка проблемы)

Андрей Юрьевич Михайлов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация
420008, Республика Татарстан, город Казань, ул. Кремлевская, 18
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: arunion@mail.ru

Аннотация. В статье с позиции методологии интеллектуальной истории рассматривается процесс секуляризации Православия в поздней Российской империи 1860–1910-е гг. В фокусе внимания формулирование научной проблемы: рассмотрение секуляризации как идеологизация православия и деинституциализация синодальной церкви. Под первым понимается попытка синтеза учения православия с современными идеологиями (социализм, национализм, секуляризм (лаицизм), под вторым – размывание церкви как института путем разделения на различные внутриконфессиональные группы.

Как следствие ранемодерной рационализации к 1830–1840-м гг. можно выделить три основных направления идеологизации православия, то есть синтеза со следующими современными идеологиями: с **модерным национализмом** в его эволюции от “гражданского” к “политическому”. Концепции пореформенного политического национализма (Н.П. Игнатъев, А.А. Киреев), завязанные на неславянофильские (Н.П. Аксаков, Д.А. Хомяков) и цивилизационные теории (К. Леонтьев, Н.И. Данилевский), пытались синтезировать православие и национализм в духе конфессиональной интерпретации нации и общества; с социальными теориями современной Европы, с **социализмом и позитивизмом** (архимандрит Федор Бухарев, С.Н. Булгаков, архимандрит Михаил (Семенов) и др.); с **модерным секуляризмом** (лаицизмом и либерализмом: П.В. Валуев, Д.А. Толстой, К.П. Победоносцев).

Деинституциализация синодальной церкви происходила в следующих вариантах. В период ранней модерности (1700 – 1840), конфессионализации, происходило встраивание религиозного института в государственный организм (**огосударствление**) на практическом и теоретическом уровне. На этапе перехода (1830–1860) от ранней модерности к поздней или собственно модерности актуальным стал вопрос о **“внутренней” секуляризации**, то есть активизации мирянского элемента. Теория А.С. Хомякова (новые критерии и природа церкви как богочеловеческого организма) и изыскания преподавателей духовной академии (А.С. Павлов) требовали для большего числа членов церкви – мирян, нового, более полноправного статуса. С другой стороны, веками отсутствие священства, иерархии в определенных частях страны породило **«народную деинституциализацию» - беспоповство.**

В период поздней империи, 1860–1910-е гг. желание церковного обновления и восстановление “канонического порядка” привели к появлению **новых форм деинституциализации**: образованию многочисленных братств, союзов и др. течений в российском православии. К революции 1917 г. в империи, в официальной церкви существовало достаточное количество различных течений, которые, то выделялись, то снова сливались с основным мейнстримом. “Социальные христиане”, “свободные христиане”, “голгофские христиане”, представители “Христианское братство борьбы” (Б. Свенцицкий, В. Эрн) – имели свою идеологию (эклезиологию), религиозные практики, организационную структуру.

Ключевые слова: интеллектуальная история, Российское православие, поздняя Российская империя, секуляризация, идеологизация, политизация, деинституциализация, современная идеология, христианский социализм, «социальные/свободные» христиане.